

Лингвистика

УДК 811.161.1

В.И. Муминов, Ю.И. Толстякова

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

Статья посвящена исследованию средств выражения эмоций в произведениях А.П. Чехова. Выделены языковые средства и способы выражения эмоций в поэтике А.П. Чехова, оптимизирующие ритмико-интонационную структуру поэтической речи и насыщающие ее смысловой и эстетической информацией, проводятся наблюдения над авторскими предпочтениями в выборе определенных средств и приемов выражения эмоций, интенсификации признака, направленных на обеспечение стилистической информацией, стилистическим эффектом, определен доминирующий способ, охарактеризованы особенности языковой и стилистической манеры писателя в выражении эмоций.

Ключевые слова: стилистический эффект, экспрессивность, эмоциональность, эмотивность, идиостиль.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-387-394

В последнее время наблюдается повышенный интерес к эмоциональной сфере человека, языковая реализация которой еще не достаточно исследована как в теории коммуникации, так и в теории текста. В рамках новой гуманистической парадигмы даже появилось особое эмотологическое направление, в котором активно разрабатывается проблема эмоций в языке, а приоритет отводится изучению художественных текстов, выражающих «мир эмоций» [3. С. 195].

В произведениях А.П. Чехова широко представлен богатый состав эмоционального сопровождения художественного текста. Писатель создал свой особый, «неповторимый художественный мир красок, характеризующийся специфическим видением действительности, своеобразным эмоциональным ее освещением и оригинальным интеллектуальным осмыслением» [2. С. 195]. Эмоциональная тональность произведений писателя, отражающих его эстетические взгляды, находится в полной гармонии с его душевной искренностью и чистотой языка. Вот почему и спустя полтора века творчество этого великого мастера художественного слова доставляет нам истинное наслаждение.

Язык и стиль А.П. Чехова характеризуется широким привлечением языковых средств для выражения эмоций, и средства эти чрезвычайно разнообразны. Эмоциональный фон в произведениях писателя проявляется в разнообразии акцентуации и интонационной полифонии, богатстве и активности форм эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики (в лексическом множестве обнаруживаются слова различной частеречной принадлежности) и фразеологии, восклицаний, лексико-синтаксических структур, междометий и междометных фраз, форм превосходной степени, сегментированных и парцеллированных конструкций, фраз-повторов, эмоционально и экспрессивно окрашенных синтаксических конструкций с частицами, проявлением поляризации значений, инверсией и т.д.

А.П. Чехов выбирает и использует все средства актуализации эмоционально-оценочных компонентов – слова, которые являются ядром выражения эмоционального состояния (грамматически они могут быть выражены различными частями речи – существительными, прилагательными, глаголами, частицами, междометиями и др.) и несущие: **а) эмоционально-оценочные идеи**: *восторг, наслаждение, ужас, отчаяние, счастье, вздор, любовь, радость, удовольствие, горе, страдание, ярость, боязнь, страх, печаль, негодование, раздражение* и др. Например: – *Что с тобой? На тебе лица нет!* – *Это я от радости, мамаша!... Как я счастлив!* («Радость») – [7. Здесь и далее в скобках указаны произведения писателя]; *Он поднялся с земли, отряхнул шляпу и со злым, негодующим лицом погрозил вверх кулаком и крикнул: – Подлецы! Живодеры! Кровопийцы!* («Припадок»); – *Пошел вон!!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал. – Что-с? – спросил шепотом Червяков, млея от ужаса. – Пошел вон!!! – повторил генерал, затопав ногами* («Смерть чиновника»); **б) эмоционально-оценочные дифференциальные идеи** (*милый, чудесный, жестокий, благоухать, аромат, хороший, холодок, молоденький, очи, уста, чело, ланиты, чудный человек, славненький* – среди лексем данного типа выделяются слова с суффиксами объективной оценки: *-ок-, -к-, -ек-, -ушк-, -юшк-, -оньк-, -еньк-* и др., которые могут выражать иронию, сочувствие, злорадство и др.). Например: –...

*Мои почтеннейшие... Давненько не был у вас... прекраснейшая... Ты здесь... громаднейшего ума человек (Вишневы сад); – Сколько, однако у вас цветов! И квартира чудесная... А я всю жизнь мою болтался по квартиркам... («Три сестры»); – Дружочек, я рад бы для тебя всею душой, но пойми... («Дядя Ваня»); Дорогой соседюшка (Письмо к ученому соседу); – ... Бедная моя головушка! За что же губите вы меня, сиротинушку? Ха-ха! («Маска»); – Нет, приемышек, сиротка... Как поглядела я давеча на этого мальчонка, вспомнила про своего Гришутку... – Куда же ты, свиненок, ее девал?... – Где она? («Бабы»); **в) эмоционально-оценочные потенциальные идеи** (солнечный, горе, красота, холодный, прелестный, дорогой, прекрасный, лютый, жестокий, свирепый, издеваться, строгий, чудесный, бедный и др.). Например: – Слушайте. Родилась я в **бедной** чиновничьей семье. Отец **добрый малый, умный... Уродливое** институтское воспитание... – **Чудная**... («Загадочная натура»); – **Какие чудные** у вас места!...**Боже, как хороша** моя родина! («Панихида»).*

В языке произведений А.П. Чехова выделяются по разнообразию звуковой формы и богатству художественных функций междометия, звукоподражательные слова, восклицания, служащие средством выражения напряженности чувств, переживаний, волнений: – **Увы!** – вздохнул Кирилин...! – ... **О, боже мой, боже мой, спаси нас!** – проговорила она в ужасе (Черный монах); **«Трах! тах! тах!»** – ответило ему небо («Степь»).

Язык героя рассказа «Забыл!!» является прекрасным примером виртуозного владения «эмотивным снаряжением», демонстрирует ярко выраженный характер разговорно-фамильярного стиля, который обнаруживает себя в лексике, фразеологии, синтаксисе, в обилии частиц и междометий разного рода. «Эмоциональность заложена в особых эмоциональных междометиях и звукоподражаниях, следующих в одном контексте» [8. С. 27]: – *Позвольте мне-с... Жарко! Климат такой, что ничего не поделаешь! Позвольте мне-с... Ммммм... мне-е... Мм... Позвольте... Забыл!! – Забыл!! Экая, прости господи, память демонская! – Да вот... вот... Позвольте-с... Мм... Забыл!! Мм... Мм... дайте припомнить...*

Насмешка, сарказм, подобиострастие, уничижение и т.д. выражаются междометиями **хо-хо-хо, ха-ха-ха, хи-хи-хи, хе-хе-хе**; они представляют рефлекс смеха, употребляемый в речи: – *Помнишь, как тебя дразнили... Хо-хо.. Детьми были!... Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с* (Толстый и тонкий). В большинстве случаев А.П. Чехов использует для обозначения смеха различные по семантике глаголы: *смеяться, засмеяться, рассмеяться, усмехнуться, хохотать, захохотать, захихикать*, служащие для передачи, выражения/снятия: **а)** радостного настроения, радости и удовольствия по какому-либо поводу, например: *Никитин и Манюся молча бежали по аллеям, смеялись, задавали изредка друг другу отрывистые вопросы, на которые не отвечали...* («Учитель словесности»); **б)** внутреннего напряжения: *Держа Юлию за талию, он крепко поцеловал ее в щеку, потом в губы... Юлия оправилась от страха и смущения и стала смеяться* («Три года»); **в)** самоиронии, насмешки над самим собой или окружающими: *За обедом, за ужином, на прогулках он говорил нам про свою жену, про мать, про кредиторов, судебных приставов и смеялся над ними; смеялся над собой... Смеялся он не переставая, и мы тоже смеялись* («Ариадна»); **г)** собственной силы и значимости: *Аксинья, едва вышла за глухого, как обнаружила необыкновенную деловитость и уже знала, кому можно отпустить в долг, кому нельзя, держала при себе ключи, не доверяя их даже мужу, щелкала на счетах, заглядывала лошадям в зубы, как мужик, и всё смеялась или покрикивала...* («В овраге»).

Эмотивность является компонентом структуры языковой единицы и не способна нейтрализоваться в контексте, но при этом существуют такие единицы, которые функционируют лишь в контексте и не выражают эмоции за его пределами [5. С. 56]: – *Вы люди темные, слепые, забытые, ничего вы не видите, а что видите, того не понимаете... Вам говорят, что ветер с цепи срывается, что вы скоты, печенеги, вы и верите* («Гусев»). Из ряда существующих в русском языке синонимов, обозначающих состояние человека, его качественную характеристику, писатель выбирает и использует слова, характеризующие максимальное проявление признака, состояния. Он строит синонимический ряд на основе лексем *темные, слепые, забытые* и завершает его не менее эмоциональными существительными *скоты, печенеги* (дикие, грубые, невежественные люди). Эпитеты в контексте завершают негативную характеристику, которой награждаются окружающие.

Показателем эмоционально-экспрессивной окрашенности контекста является особая восклицательная интонация: – *Возмутительно!... Главное, отлично ведь знают, что вы не перенесете этого далекого перехода, а все-таки сажают вас сюда!... Это ненормально... – Ужасное положение... –*

Ужасное! Лексемы *ненормально, возмутительно, ужасное* являются ярким примером выражения контекстуальной эмотивности, а повторение последней нагнетает ощущение чего-то необратимого и ярко-негативного. Эмоции в их типичном проявлении и прямом обозначении выступают в качестве значимого компонента речевой ситуации, описание которого важно для презентации целостного образа литературного персонажа [9. С. 41].

Обратимся к рассказу «Хамелеон», в котором основное место занимают «голоса» персонажей. Особенно примечателен «голос» Очумелова, в котором чередуются прямо противоположные эмоции, оценки и названия одних и тех же явлений и предметов. Речь Очумелова демонстрирует его поразительное умение мгновенно менять свое мнение, чтобы угодить «высокому» начальству. Его отношение к «виновнику» скандала – собаке и ее предполагаемому владельцу меняется несколько раз: *собака и прочий бродячий скот; а собаку истребить надо. Немедля!* (парцелляция). *Она наверно бешеная; Я ему покажу Кузькину мать! – Одного только я не понимаю, как она могла тебя укусить?... Она маленькая, а ты ведь вот какой здоровила! – Это – черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И такую собаку держать?! Нужно проучить!* (о хозяине) – *Она, может быть, дорогая... Собака – нежная тварь – Она бродячая! Истребить, вот и все – Да разве братец ихний приехали? Владимир Иванович? – ... все лицо его заливадается улыбкой умиления... – Так это ихняя собачка? Очень рад. Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Ну, чего дрожишь? ... Сердится, шельма... цуцык этакий...*

В речи Очумелова выявляются и другие не менее примечательные его черты, служащие средством выражения эмотивности: отсутствие культуры, грубость, категоричность, безапелляционность. В его речи причудливо сочетаются элементы канцелярской и «полицейской» фразеологии с вульгаризмами и нелитературными формами: *По какому это случаю тут? Я покажу вам, как собак распускать* (то есть *проучу*). Любопытны канцелярские обороты с безличными или инфинитивными предложениями в значении эмоционального напряжения, волеизъявления, приказания: *Пора обратить внимание на **подобных господ**, не желающих подчиняться постановлениям!* Рядом с канцелярским по стилю предложением можно увидеть: **а)** разговорное неопределенно-личное с усилительным эмотивом *как* в роли частицы (*Как оштрафуют его мерзавца...*), **б)** много форм со значением приказа (*Не рассуждать! Истребить!?*), **в)** эмоциональные эллиптические, разговорные структуры (*Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально – не дыши!*), **г)** согласование «по смыслу» вместе с вульгарной лексикой (*... а ежели **каждый свинья** будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить*), **д)** обобщающие конструкции со сказуемым – именем существительным в именительном падеже без связки (*Собака – нежная тварь*), **е)** подобострастное употребление формы множественного числа (*... братец ихний приехали?... Погостить приехали?*). Употребление в тесно связанном контексте эмоционально (и социально) окрашенных речевых средств придает неповторимому облику Очумелова типические черты, роднящие его с держимордами и унтерами пришибевыми.

Слово «Хамелеон», образующее название рассказа, исходит от автора, и именно оно эмоционально характеризует главное качество Очумелова – социальное хамелеонство. Речь персонажа, во всей полноте ее значений (эмоциональных, оценочных, экспрессивных) может быть воспринята лишь в соотношении с речью автора и других персонажей, поскольку слово в художественном тексте обращено не только к воспроизводимому в нем художественному миру, а через него к «миру эмоций», но и к другим словам в речевой структуре произведения.

В рассказе «Ионыч» между автором и читателем как бы находится «незримый» рассказчик, условный повествователь (аргумент в пользу этого утверждения содержится в общей разговорности интонации, синтаксиса и лексики, что, как известно, характерно именно для рассказчиков – неполные вопросительные предложения: *А Котик? А Туркины?*; оценочный безлично-инфинитивный оборот: *У него в городе громадная практика, некогда вздохнуть* и др.), в целом весьма близкий автору, но наделенный и некоторыми отличительными чертами: ему в большей степени свойственна эмоциональность и непосредственность восприятия, его оценки более открыты и менее последовательны. Художественно-речевая конкретизация слов *талант, талантливый*, являющихся в рассказе ключевыми, так как они содержат оценку семьи Туркиных, эмоциональное отношение к ним и косвенно характеризуют «местных жителей», приводит к появлению у этих слов нового художественно-эмоционального содержания, резко отличающегося от системно-языкового значения. В столкновении значений и оценок проявляется «внутренний», авторский эмоционально-оценочный речевой план.

Судя по авторским ремаркам, персонажи Чехова не говорят, а *кричат, воют, гаркают, восклицают, смеются, плачут, хихикают, хрипят, шипят* и т.д.: – *Чувствуете? – спросил Стручков и захихикал от удовольствия* («На гвозде»); *«Ой, батюшки? – вопил он...»* (Лошадиная фамилия); – *А, сатана длиннополая! – прошипела дьячиха...* («Ведьма»).

В пьесе «Три сестры» есть три однородные реплики: Ирина говорит Маше: *«Ты, Машка, злая!»*. Ольга говорит ей же: *«Ты, Маша, глупая. Самая глупая в нашей семье. Извини, пожалуйста»*. Наконец Маша говорит Ольге: *«О, глупая ты, Оля!»*. Все три реплики эмоциональны, но отнюдь не враждебны. Это по-родственному, по-дружески. Но сказать: *ты злая, ты глупая* – уже есть оскорбление, и тем тоном, каким говорят вышеприведенные реплики у Чехова, это сказать нельзя... *Ты злая, ты глупая* – «голое констатирование факта, к которому не идет и небрежно-разговорный стиль. А это связано с исключительно книжностью данной формы» [6. С. 222].

Для эмоционально взволнованной, экспрессивно окрашенной речи характерен субъективный порядок слов (рема предшествует теме): – *Я вам не дам денег* (нейтр.) *Не дам я вам денег!* (эмоц.-экспр.) («Медведь»); – *Во мне проснулись чувства* (нейтр.) – *И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне* (эмоц.-экспр.) («Дядя Ваня»).

В произведениях А.П. Чехова больше сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений, так как явления отображаемой жизни как бы сопологаются друг с другом, и читателю предоставляется возможность самому обнаружить их эмоциональную тональность, внутренние связи. Вот типичная Чеховская фраза: *Но вот она встала и быстро пошла к выходу, он – за ней; и оба шли бестолково, по коридорам, то поднимаясь, то спускаясь, и мелькали у них перед глазами какие-то люди в судейских, учительских и удельных мундирах, и все со значками; мелькали дамы, шубы на вешалках, дул сквозной ветер, обдавая запахом табачных окурков...* («Дама с собачкой»).

Не только отдельное предложение, но и строфа в целом обуславливает возможность глубокого эмоционального подтекста, например: *Был седьмой час вечера – время, когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья стыннут от своего запаха. В городском саду тоже играла музыка. Лошади звонко стучали по мостовой; со всех сторон слышались смех, говор, хлопанье калиток. Встречные солдаты козыряли офицерам, гимназисты кланялись Никитину; и, видимо, всем гуляющим. Спешившим в сад на музыку, было очень приятно глядеть на кавалькаду. А как тепло, как мягки на вид облака, разбросанные по небу...* (Учитель словесности).

На фоне нейтрального авторского повествования наиболее отчетливо выделяются элементы эмоционального синтаксиса, обычно характерные для живой разговорной речи персонажей. Именно так от лица автора передается эмоциональная речь героя рассказа Чехова «Архиерей»: *Пресвященный переоделся и стал читать молитвы на сон грядущий. Он внимательно читал эти старые, давно знакомые молитвы и в то же время думал о своей матери. У нее было девять душ детей и около сорока внуков. Когда-то со своим мужем, дьяконом, жила она в бедном селе, жила там очень долго, с семнадцати до шестидесяти лет. Преосвященный помнил ее с раннего детства, чуть ли не с тех лет и – как любил! Милое, дорогое, незабвенное детство! Отчего оно, это навеки ушедшее, невозвратное время, отчего оно кажется светлее, праздничнее и богаче, чем было на самом деле? Когда в детстве или юности он был нездоров, то как нежна и чутка была мать!*

Большую роль в реализации эмоционального фона играют прямая и несобственно-прямая речь (более эмоциональны, выразительны и убедительны), эмоционально-экспрессивные конструкции, в которых в качестве интенсификатора, актуализирующего компонента выступают частицы, определительные местоимения, местоименные наречия, символы, заголовки, эпитафии («Радость», «Горе», «Тоска», *В человеке все должно быть прекрасно...*; *Краткость – сестра таланта; роза – символ любви; Как хорошо!* и др.).

Способы проявления эмоциональности языковых единиц в произведениях А.П. Чехова разнообразны. Интересным в этом плане представляется употребление Чеховым слова **Неприлично**: – *Нехороший человек этот Филипп Филиппыч, – вздыхает Соня. – Вчера входит к нам в детскую, а я в одной сорочке... И мне стало так неприлично!* («Детвора»). Скрытая противоположность значения состоит в том, что Соня, по всей видимости, хотела сказать, что ей стало стыдно, а стыд – это уже некий признак приличия. Неприлично поступил тот самый Филипп Филиппыч, который вошел в детскую комнату без разрешения и не извинился.

Разговорная речь, просторечие, жаргоны, говоры, отличающиеся свободой относительно норм, представляют благоприятную почву для развития противоположных эмотивных значений. Например:

Хороша – 1) ‘вполне положительная по своим качествам, красива, милостива’: «*Как она хороша!*» (Баба царство); 2) ‘выражение иронического отношения’ (разг.): «*Это возмутительно!... Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры? Хороша педагогиня, нечего сказать. Возмутительно!*» (Детвора); **Благовестить** – 1. Устар. ‘звонить в колокол перед началом церковной службы’ (+); Перен. Разг. Устар. ‘разгласить, слухи’ (-): *Марья остановилась у входа и не посмела идти дальше. И сесть не посмела, хотя к обедне заблаговестили только в девятом часу* («Мужики»); *Если у тебя нет денег... то не давай, откажи, но зачем благовестить в каждом переулке о том, что мое положение безвыходно...* («Попрыгунья»).

Существуют определенные категории эмоциональных негативно-оценочных слов, которые не могут подвергаться мелиорации по ряду причин социолингвистического или психолингвистического характера. Например, не следует пытаться употреблять с положительной оценкой слова, резко осуждающие такие человеческие качества, как трусость, лицемерие, подлость и др.: *дрянь, негодяй, собака, подонок, предатель, подлец* и т.д. Не наблюдается смена оценочного знака и у так называемых гробизмов (слов, употребляемых для обозначения серьезных физических недостатков: *дибил, псих, олигофрен, шизофреник* и др.). Однако в разговорной речи при неофициальном общении возможно употребление отрицательных номинаций в качестве похвалы, выражения восхищения. Например: **Собака** 1. Домашнее животное семейства псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, на охоте и т.д. 2. Прост. Употребляется как бранное слово. 3. Прост. Употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-либо: – *... Чья собака?... Я покажу вам, как собака распускать!... узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо.* («Хамелеон»); *«Куда везешь, собака, такой-сякой?» – и меня по уху* («Мужики»); – *Вот вам и соловей... Дерг-дерг! Дерг-дерг! Слово за крючок дергает, а ведь небось тоже думает, что поет... Ишь ты, собака... – пробормотал Савка, поглядев уважительно в сторону кричавшего коростеля* («Агафья»); «... *Ах, да поди ты прочь, поганая собака!*...» («Учитель словесности»). Причинами мелиоративного употребления А.П. Чеховым такого рода слов является, с одной стороны, желание усилить одобрение, похвалу за счет контраста между оценочным зарядом бранного слова и речевым намерением говорящего, с другой стороны, нежелание причинить зло собеседнику излишней похвалой (по древнему преданию бранные слова – скрытые пожелания удачи) [4. С. 268-269].

Изменение эмоциональной окраски слова – еще один способ образования у него противоположных значений. Оттенки такой окраски очень разнообразны. Одни придают слову положительную (*дорогой, любимый, прелесть, доченька, милый, хороший*), другие – отрицательную (*балбес, бестолочь, скотина, губошлеп*) окраску. При этом эмоциональная окрашенность слова может легко возникать в контексте и свободно изменяться, переходить из положительного «эмоционального мира» в отрицательный и наоборот. Например: «*Хороши, нечего сказать! Трудно им было самим прийти и поздравить*» (Лист); «*Нечего сказать, хороши порядки*» («Двое в одном») [4. С. 269-270]. Широкое употребление отрицательно эмоционально окрашенных глаголов *запеть, залечить, заиграть, запустить, закапать, забылась, задуть; ославить, одолжить, осчастливить отблагодарить, отходить; прослушать, просмотреть* и др. связано с многозначностью словообразующих аффиксов, значения которых могут выступать как противоположные. Например: «*Ладно, просмотрю*» (‘бегло ознакомиться; просматривая, редактировать’) *и, что нужно, подпишу...* («Вишневый сад»); «*Но он просмотрел*» (‘пропустить по каким-либо причинам’), *ничего этого не сделал* («Скрипка Ротшильда»). Можно отметить и некоторые фразеологизмы, которые демонстрируют противоположные значения по отношению к свободным выражениям: *Любовь Андреевна. Нет у меня денег, голубчик. Пищик. Отдам, милая... Сумма пустяшная... Любовь Андреевна. Ну, хорошо, Леонид даст... Ты дай, Леонид.* Гаев. *Дам я ему, держи карман* – ‘ничего не получит’ («Вишневый сад»); *Шабельский. – Эх, милая Сарра, выиграй я сто или двести тысяч, показал бы я вам, где раки зимуют!... Только бы вы меня и видели* – ‘никогда бы не увидели’ («Иванов»).

Скрытая противоположность значения, «эмоциональная полифония» наблюдается и в синтаксических конструкциях. Например: *Аня. Ну что, как? Заплатили проценты?* Варя. *Где там.* («Вишневый сад») – структурно-семантическая асимметрия наблюдается в синтаксической конструкции, форма и содержание которого не совпадают: они противоположны; *Нина. Он в купальне рыбу удит.* Аркадина. *Ну и ну! Как ему не надоест!* («Чайка») – сущность данной синтаксической конструкции заключается в мгновенной, непосредственной и поэтому эмоциональной реакции на различного рода факты объективной действительности [4. С. 269-270].

В произведениях А.П. Чехова единицы синтаксиса также способны выражать несколько значений, которые в ряде случаев оказываются противоположными. Например: Варя. *Твоя мать пришла из деревни, со вчерашнего дня сидит в людской, хочет повидаться...* Яша. **Бог с ней совсем!** – устар. ‘осуждение, недовольство, отрицательное напутствие, безразличие, негативная оценка’. Боркин. *Ну, ну... виноват, виноват!... Бог с вами, сидите себе...* («Иванов») – устар. ‘пожелание хорошего, положительное напутствие, утверждение, примирение, согласие’ (коммуникама, «коммуникативная единица синтаксиса, более экономная, более краткая и более эмоциональная форма выражения отношения говорящего к объективной действительности, представляющая собой сочетание слов предложеческого характера, грамматически нечленимая, нерасчлененно выражающая определенное непонятнейшее смысловое содержание меньшими средствами, являющаяся реакцией на те или иные факты объективной действительности и выполняющая в языке эмоционально-экспрессивную функцию. Эти малые средства не позволяют четко разграничить и выделить все компоненты смысла того отрезка речи, который коммуникама замещает») [1. С. 94].

Явление противоположности значений наблюдается и в таких конструкциях, где форма и содержание не совпадают: они противоположны. Такие построения являются утвердительными или отрицательными, конструктивными (позитивными, положительными) или негативными и т.п. по форме, но не по содержанию. Например: Попова. *Мало того, что он умер... Я навеки погребла себя в четырех стенах и до самой могилы не сниму этого траура.* Смирнов. **Точно я не знаю, что он умер** («сам знаю»), *для чего вы носите это черное домино и погребли себя в четырех стенах!* («Медведь»). Поляризация значений проявляется и в том случае, когда грамматические признаки формы и содержания синтаксической единицы совпадают (время, наклонение); выражаемое значение позитивно и по этому признаку противоположно негативной структуре предложения, выражающей его: – *Странно... Вероятно я выразился как-нибудь неловко или... – Да, дождитесь, поверю!* («Палата № 6») – («не поверю, не дождетесь»); – *Ну, расскажите мне что-нибудь. – Вот еще! Ждите* («не дождетесь»), *расскажу!*

Противоположность формы и содержания свойственна и нечленимым предложениям типа **Где там! Куда там! Сейчас! Где уж!** и др. Например: Соня. *Как это неприятно, право... С фабрики приезжайте обедать.* Астров. **Где уж... Куда уж...** («Дядя Ваня») – («досада, отрицание: не приеду»); Аня. *Ну что, как? Заплатили проценты?* Варя. **Где там** («Вишневый сад») – («нет, не заплатили») – основное содержание таких экспрессивных единиц сводится к утверждению или отрицанию, согласию или несогласию, позитивной или негативной оценке и др. Способность синтаксической единицы выражать противоположные значения может задаваться или поддерживаться благодаря характеру содержания одного из обязательных структурообразующих компонентов, в роли которых чаще всего выступают различные частицы. Основным назначением частиц, входящих в такие «комплексы», является «максимальная ответственность за удачу общения» Разнообразные виды противоположности значений можно обнаружить среди нечленимых предложений. Например: *«Чего же ты его ругаешь?... Нешто он виноват? Ты виноватая! Ты! Ну, с какой стати ты его в эту гимназию отдала? Что ты за дворянка такая? В дворяне лезете? А-а-а-а... Как же, беспреренно, так вот вас и сделают дворянами!* («Случай с классиком») – «не сделают»; ирония (при реализации высказывания с эмоционально-ироническим значением происходит ретардация (замедление), направленная на то, чтобы подчеркнуть существенную разницу между первичным значением высказывания и его вторичным речевым смыслом, чтобы собеседник осуществил ряд логико-мыслительных операций в обратном направлении; отрицание факта в будущем формально выражается в качестве иронического признания его осуществленности в прошлом).

В синтаксической конструкции **И горе тебе, баба! Не токмо на Страшном судилище, но и в земной жизни наказана будешь!**... *Ну, гляди же ты мне! Я тебе поворожу* («Ведьма»), осложненной дополнительными грамматическими факторами, усиливающими характер скрытой поляризации значений, явно присутствуют противопоставление позитивного по форме высказывания его негативному содержанию («не ворожи + угроза»), несовпадение по типу выражаемого грамматического значения: форма высказывания характеризуется наличием синтаксического значения изъявительного наклонения будущего времени, а речевой смысл – наличием повелительного наклонения.

В произведениях А.П. Чехова наблюдается заметное пристрастие автора к употреблению таких конструкций, широкие функциональные возможности которых обеспечивают: **а)** способность к «эмоциональному перевоплощению», **б)** возможность выражать самые разнообразные стилистические намерения, **г)** поляризацию значений, **д)** стремление к участию в создании разного рода стили-

стической информации, стилистического впечатления, связанных с актуализацией скрытых смыслов. Интенсификация скрытой противоположности значения языковой единицы, сопровождающаяся особой интонационной насыщенностью (с помощью интонации одно и то же предложение может быть представлено как содержащее самые разные, иногда прямо противоположные значения, зависит от определенной эмоциональной ситуации: конфликтной, спорной, игровой, иронической и т.д.): – *Ты бы хоть овец выгнала!* – крикнула ей старуха. – *Барыня!* – **Вот еще!** *Стану я на вас, иродов, работать...* («Бабы») – ситуация однозначной интерпретации смысла («не буду/стану выгонять») проясняется из описания ситуации: *стану я на вас работать* – («не стану»). В произведениях А.П. Чехова синтаксические образования, которые передают характер отношений между собеседниками, имеют концептуальную значимость, поскольку регулярно транслируют разнообразные смыслы и могут выступать в качестве актуализатора того или иного значения. Например: Шамраев. *Многоуважаемая! Вы не знаете, что значит хозяйство!* Аркадина (вспылив). **Вы знаете!** – ‘не знает’ («Чайка») – негативный скрытый смысл высказывания проявляется в «натянудом, нелицеприятном» характере отношений между оппонентами и базируется на противоположной, предполагаемой негативной пренебрежительно-неодобрительной позиции: *многоуважаемая* – «не достойная большого внимания, уважения». В предложении **Попробуй, поскачи только мне... я тебе такого скипидару пропишу...** («Не в духе») – в качестве показателя противоположного значения выступает форма глагола сказуемого совершенного вида (будущего времени) 2-го лица (односоставное определенно-личное предложение), которая выступает в переносном (негативном) значении несовершенного вида («не скачи и даже не пытайся») и употребляется автором для иронически-отрицательного выражения.

Предложения типа **Ах, господа, господа!** *Все вы не то, не то, не то!...* («Иванов») – («укоризна, сожаление») – Ср.: *Ах, господа, господа! Очень рад. Все так!* – («одобрение, радость»); – *Ваня!* – *позвала она, – Иван Романович!* («Три сестры») обычно относят к вокативным конструкциям («предложениям-обращениям, «эмоциональным вокативам»); это обращения, осложненные выражением волеизъявления нерасчлененной мысли, чувства, отличающиеся изолированностью, синкретизмом семантико-грамматических свойств. Функция обращения в таких конструкциях является доминирующей, а эмоционально-оценочный компонент формирует дополнительное содержание. Писатель использует поляризацию значений языковых единиц для реализации различных эмоциональных потенциалов, создания иронии, контраста, выражения эмоциональной окраски. Смысл противоположности значения языковой единицы заключается не столько в информации о каком-либо факте, сколько в его воздействии на адресата речи, то есть субъективный смысл такой единицы содержит некий элемент стилистического задания и чаще всего сопровождается эмоцией [4. С. 270-273]. Естественно, что мы представили не все средства выражения эмоций, которые использовал А.П. Чехов в своих произведениях. Эмоциональная насыщенность, являющаяся одним из органических свойств писательской манеры А.П. Чехова, концентрированно вмещает в себя возможность организации прогрессивного развертывания мысли с одновременным интонационно-ритмическим (эмотивным) и смысловым подчеркиванием ее существенных сторон, допускает разнообразные «внутренние модификации» (полифункциональность, поляризацию, эмоциогенность), охватывает разные контексты, в пределах которых формируется и реализуется эмотивный фон.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меликян В.Ю. Об одном из типов нечленимых предложений и его эстетических функциях // Русский язык в школе. № 2. С. 94–100.
2. Муллинова Т.А. Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект (на материале романов А. Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 19 с.
3. Муминов В.И., Сухарева М.И. Эмоциональные междометия с семантически диффузными функциями и их использование в художественном тексте (на материале произведений А.П. Чехова // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2017. № 2. С. 195.
4. Муминов В.И. Способы выражения скрытой поляризации значений внутри одной языковой единицы в произведениях А.П. Чехова // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. Ижевск, 2017. Т. 27, вып. 4. С. 266–273.
5. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М: Едиториал УРСС, 2013. 300 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Просвещение, 1956. 389 с.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30 томах. М.: Наука, 1974–1983.
8. Шаховский В.И. Категория эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 192с.

9. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 414 с.

Поступила в редакцию 30.11.2019

Муминов Владимир Исмаилович, кандидат филологических наук, доцент

E-mail: lingua-star@inbox.ru

Толстякова Юлия Игоревна, студентка 3-го курса, Институт филологии, истории и востоковедения

E-mail: lingua-star@inbox.ru

ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет»

693008, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290

V.I. Muminov, Yu.I. Tolstyakova

MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONS IN A.P. CHEKHOV'S WORKS

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-387-394

The article is devoted to the study of the means of expression of emotions in the works of Anton Chekhov. Language means and ways of expressing emotions in the poetics of Anton Chekhov are highlighted that optimize the rhythmic-intonation structure of poetic speech, filling it with content and aesthetic information. The article observes the author's preferences in the choice of certain means and approaches to emotional, feature intensification, all of which are meant to convey stylistic information and stylistic effect; the dominating method is defined. Features of the language and stylistic manner of the writer in the expression of emotions are characterized.

Keywords: stylistic effect, expressiveness, emotionality, emotiveness, idiostyle.

REFERENCES

1. Melikyan V.Yu. Ob odnom iz tipov nechlenimych predlozheniy i ego esteticheskikh funktsiyach [About one of the types inarticulate sentences and its aesthetic functions] // Russian language at school. № 2. p. 94–100. (In Russian).
2. Mullinova T.A. Emotivnaya leksika v chudozhestvennom tekste: funktsional'no-semanticheskiy aspekt (na materiale romanov A. Belogo "Kotik Letayev" i "Kreshchenyy kitayets") [Emotive vocabulary in fiction: Functional semantic aspect (based on the material of A. Bely's novels "Cat Letayev" and "Baptized Chinese")]: Abstract of dissertation for the degree candidate of philology Krasnodar, 2004. 19 p. (In Russian).
3. Muminov V.I. Emotsional'nyye mezhdometiya s semanticheski diffuznymi funktsiyami i ich ispol'zovaniye v chudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy A.P. Chekhova) [Emotional interjections with semantically diffusive functions and their use in the literary text (On the material of works by A.P./ Chekhov)] Muminov, V.I. Sukhareva M.I. // Vestnik NII Humanitarian science. Saransk, 2017. № 2. p. 194–199. (In Russian).
4. Muminov V.I. Sposoby vyrazheniya skrytoy polyarizatsii znacheniy vnutri odnoy yazykovoy edinitiy v proizvedeniyach A.P. Chekhova [Methods of expressing the hidden opposition of values of one linguistic unit in the writings of A.P. Chekhov] // Bulletin of Udmurt University Series History and Philology. Volume.27. Issue 3. Izhevsk, 2019. p. 266–273. (In Russian).
5. Novikov L.A. Chudozhestvennyy tekst i ego analiz [Literary text and its analysis]. M.: Editoirial URSS 2013. 300 p. (In Russian).
6. Peshkovsky A.M. Russkiy sintaksis v nauchnom ocveshchenii [Russian syntax in a scientific coverage]. M.: Prosveshcheniye, 1956. 389 p. (In Russian).
7. Chekhov A.P. Polnoye sobraniye sochininy v 30 tomach [The complete works in 30 volumes]. M.: Science, 1974. 1983. (In Russian).
8. Shakhovskiy V.I. Kategoriya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Category emotions in the lexico-semantic system of language]. Voronezh: Publishing house of the Voronezh University, 1987. 192 p. (In Russian).
9. Shakhovskiy V.I. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: monografiya [Linguistic theory of emotions: monograph]. M.: Gnosis, 2008. 414 p. (In Russian).

Received 30.11.2019

Muminov V.I., Candidate of Philology, Associate Professor

E-mail: lingua-star@inbox.ru

Tolstyakova Yu.I., 3rd year student, Institute of Philology, History and Oriental

E-mail: lingua-star@inbox.ru

Sakhalin State University

Lenina st., 290, Yuzno-Sakhalinsk, Russia, 693008